

математические науки, а науки экспериментальные не имели внутреннего импульса к развитию. Средневековая наука представляется прежде всего как интерпретация уже разработанной традиции, как комментарий текста и герменевтический опыт, который распространялся на все области знаний³³.

Традиционная наука античности, унаследованная и развиваемая византийцами, тесно переплеталась с астрологией, магией, алхимией, разного рода оккультными знаниями, составлявшими неотъемлемую часть средневекового мышления и опыта³⁴. Корни этого явления уходят в позднюю античность, когда идеи неоплатонизма, широко распространившиеся в духовной жизни позднеримского общества, выработали и отношение к научному знанию. Материя — основа всякого естественнонаучного исследования, определенная Платином как $\mu\eta\tau\epsilon\rho\acute{\epsilon}\nu\alpha$, — не могла дать истинного знания. Такая посылка определяла и средства познания, которые лежали за пределами разумного или чувственного восприятия: подлинное знание возможно только через откровение, поэтому теургия и магия приобретали все более реальную силу. У Порфирия и в еще большей степени у Ямвлиха всякое научно-рациональное отношение к реальному миру тонет в оккультной практике и религиозных фантазиях, а математика предстает в виде числовой символики, элементы которой идентифицируются с гипостатическими конструкциями познаваемого мира³⁵.

Такое смешение религиозной мистики, магии и точных наук, вероятно, и не могло вызвать к жизни новые формы познания окружающего мира. С этим связано все укреплявшееся представление о совершенстве достижений античности. Уже в первые столетия новой эры наука начинает приобретать герменевтический характер, подводит итог, инвентаризируется в ряде компендиев, справочников, исагог и других компиляций, каковыми были сочинения Птолемея, Никомаха, Галена³⁶. Формы осмысления окружающего мира, сложившиеся в позднеантичный период, оказались настолько устойчивыми, что многие их черты мы узнаем и в позднеантичной науке. Математика нередко предстает в форме неопифагорейской мистики чисел³⁷, астрономия переплетается с астрологией, ботаника, минералогия, алхимия, медицина — с герметической традицией. Одними из важнейших положений герметической концепции были стоические представления о «симпатии» и «антипатии» — об отношении единства и противоположности явлений земного мира. Эта концепция охватывала практически все области естественнонаучного знания от астрономии до медицины, от примитивных предсказаний, основанных на магии, до универсальных законов природы, функционирующей в гармонии с небесными телами, связывающей самые разные стороны человеческой жизни с окружающей его средой, — микрокосм с макрокосмом Вселенной.

Геоцентрический космос Птолемея с его концентрическими сферами предполагал бесконечное взаимодействие между Землей и планетными сферами, одной сферы с другой. С периода эллинизма вплоть до Ренессанса доктрина единства космоса и «симпатии», соединяющей все его части, имела значение догмы³⁸. Торндайк подчеркивала, что эта концепция, которую она назвала астрологической, часто недооценивается исследователями, обращающимися к проблемам средневековой науки³⁹.

В Византии палеологовского периода интерес к герметической традиции, тесно связанной с неоплатонизмом, был очень велик. Обратившись к каталогам греческих астрологических рукописей, мы можем видеть, что подавляющее большинство кодексов, содержащих герметические тексты, датируются XIII—XV вв. Этот интерес важно отметить не только для характеристики научной мысли в Византии — он связан и с тем обстоятельством, что греческие руко-

³³ Verbeke G. Science et herméneutique dans la pensée médiévale // 2nd International Humanistic Symposium. Athens, 1972. P. 32.

³⁴ Исследования Торндайк показали, что магия в средние века и начале нового времени была главным источником эмпирического и экспериментального приближения к природе. См.: Thorndike L. The History of Magic and Experimental Science. N. Y., 1923—1958. Vol. 1—8.

³⁵ Jürss F. Bemerkungen zum naturwissenschaftlichen Denken in der Spätantike // Klio. 1965. Bd. 43—45. S. 390.

³⁶ Festugière O. La révélation d'Hermès Trismégiste. P., 1950. T. 1. P. 2—4.

³⁷ Как, например, в сочинении Иоанна Педасима (см.: Cumont F. L'Opuscule de Jean Pédiasimos Περὶ ἑρμῆτος καὶ ἐρμηνείων // Revue Belge de Philologie et d'Histoire. 1923. Vol. 2. P. 5—21).

³⁸ Festugière O. Op. cit. P. 90.

³⁹ Thorndike L. The True Place of Astrology in the History of Science // Isis. 1955; Vol. 46, pt 3. P. 276.